

Отец Григорий Красноцветов
(Голландия)

ИСТОРИЯ АРХИВА И. С. ШМЕЛЕВА И О. А. БЕРДИУС-СУББОТИНОЙ

Ваше Высокопреподобие, уважаемые участники настоящего собрания!

Возможность выступить на этой международной конференции в присутствии глубоко мной почитаемых людей, да еще посвященной такому знаменательному памяtnому событию, связанному с великим, не побоюсь этого слова, христианским православным писателем — воспринимаю как огромную честь и большую ответственность.

Вы, присутствующие в этом зале, можете задавать себе сейчас вопрос — а что делает этот священник на таком, скажем, специфическом литературоведческом мероприятии? Он смотрелся гораздо более органично, когда перезахоранивали останки Ивана Сергеевича! Не дань ли это своеобразной моде? Что может он нам сказать? Что нового мы можем от него услышать?

Я прекрасно понимаю некоторое ваше сомнение и недоумение. Хочу вас успокоить — я не претендую на литературоведческий разбор творческого наследия Шмелева. Конечно, как читатель и как православный священник, я мог бы высказать некоторые свои мысли по поводу творчества писателя, но думаю, и, видимо, вы все меня в этом

поддержите, это не совсем тот случай и не совсем то место, где можно было бы позволить себе некоторые рассуждения на общие темы.

Меня пригласили на эти памятные мероприятия и предложили выступить, потому что некоторым образом я оказался причастным к последнему десятилетию жизни писателя, десятилетию, которое для специалистов, думаю, остается самым неисследованным, самым скрытым от посторонних глаз и самым сложным в долгой, трудной, часто трагической жизни Ивана Сергеевича. Я оказался связанным с немалой частью архива писателя, с той его частью, о которой, думаю, мало кто из исследователей и знатоков творчества Шмелева (не говоря уже о простых читателях и почитателях его таланта) знает.

В 1990 году решением Святейшего Патриарха и Святейшего Синода Русской Православной Церкви я был назначен из тогда еще Ленинграда в Нидерланды в город Роттердам настоятелем русской православной церкви. Храм домовый, освящен в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница».

В этом городе и его окрестностях проживало несколько семей еще первой волны эмиграции, в том числе и некий Сергей Александрович Субботин со своей супругой Марией Филипповной Постниковой-Субботиной. Сам Сергей Александрович был интереснейший человек, родом из города Рыбинска Ярославской губернии, где священником служил его отец Александр Александрович Субботин. Дедом по материнской линии был тоже священник протоиерей Александр Михайлович Груздев. Служил он, насколько мне известно, в селе Баран Костромской губернии, а похоронен в поселке Судиславль. Внук его — Кирилл Дмитриевич Груздев — двоюродный брат Сергея и Ольги Субботиных, был ученым, профессором в области медицинской техники. Скончался он третьего декабря 1990 года и похоронен в Москве. В 1996 году прах Сергея Субботина был перенесен из Гааги и перезахоронен в могилу двоюродного брата Кирилла Груздева. В Москве проживали его вдова Анна и сын Алексей Кириллович — врач-кардиолог.

Отец Александр Субботин скончался, когда дети — Сергей и его сестра Ольга — были еще маленькие. Вот как позже вспоминала о своих родителях Ольга:

«Мой отец был священник, по призванию, по глубинной чистой Вере; горел на своем посту душой. Ах, какой удивительный это был человек! Он умер тридцати семи лет в год войны. Мы были — я и брат — очень малы. Но его, светлого, как Ангела, хорошо помним. Моя мать — та самая женщина, которая бы несомненно заслуживала быть поставленной в ряды героев. Сколько она несла на своих

плечах забот и горя; и это все в ее тридцать два года! Какое у нас с отцом было счастье, — и только не полных десять лет! И с тех пор собственно наша семья разбита, и с тех пор начался тот крестный путь, который и до сего дня не окончен... Вся жизнь моих родителей была гармония, счастье, безоблачный сон. Не стоит говорить о том, что в доме царил дух религиозности, обряда, русского быта. Так же как у Вас, горели всюду лампы, отец пел молитвы, — он чудно пел, до священства даже выступал... Он умер в Казани, прожив там полгода, похоронить его захотела паства в Рыбинске, где он служил восемь лет. Гроб его не несли, а передавали через головы, — это была несколькотысячная толпа плачущих людей. Вся радость жизни, беспечность детства нашего ушли с ним вместе. Но все в руках Божиих. И мы через несколько лет увидели в этом Промысл Божий. Сколько было потом страданий, как сложилась наша жизнь потом, — говорить долго, м. б. скучно и не стоит. Я хотела только немного познакомить Вас с нами. И показать, почему все Ваше мне так дорого и близко. За все эти годы никто и никогда не был таким родным, таким духовно родным, как Вы. И я знаю, что Вы не посмеетесь и не осудите, если я скажу, что, читая Ваши книги, я плачу, плачу о Вашем и своем потерянном Рае. Как плачу и сейчас, вспоминаю все невозвратное, такое близкое и единственное...».

После революции Субботины оказались за границей. Сначала в Берлине, потом Ольга Александровна переехала в Нидерланды, где вышла замуж за голландца по фамилии Бредиус, а Сергей с матерью и отчимом (Александр Александрович Овчинников, профессор Казанского университета; похоронен на русском кладбище в Тегеле — пригороде Берлина) оставались в Германии до самой войны. Сергей Александрович был разносторонним человеком, очень церковным, артистичным, был знаком со многими выдающимися людьми: Михаилом Чеховым, Шаляпиным, Собиновым, Плевицкой, Анной Павловой, генералом Врангелем, философом Ильиным, которому финансово помогал в издании его работ.

Сестра Сергея Александровича Ольга до эмиграции училась в Москве в Высшей Художественной школе, прекрасно рисовала, интересовалась литературой. За границей посещала лекции и выступления многих писателей, философов.

В 1936 году она присутствовала на лекции И. С. Шмелева, которая случилась вскоре после смерти жены писателя Ольги Александровны. И через три года после этой лекции девятого июня 1939 года в день своего рождения написала письмо Ивану Сергеевичу. Позже,

уже в июле 1941 года она вспоминала, как это произошло, что ее на это подвигло. Вот небольшой отрывок из этого письма:

«Девятое июня, или двадцать седьмого мая старого стиля — день моего рождения. В 1939 году этот день был нерадостный для меня, были неприятности. Я была настроена душой особенно восприимчиво. Чувствовала себя как-то странно, может быть ненужной миру. Это день казался мне без смысла. Я долго так одна сидела перед окном и равнодушно смотрела на солнце и не хотела его видеть. Мне было страшно подумать о поздравлениях, «веселых взглядах» и т. п. Я казалась себе такой одинокой. Глаза мои случайно упали на почту, где было письмо от мамы из Берлина, а рядом еще полученный накануне пакетик тоже от мамы, который я оставила нарочно «до завтра». Открыла и увидела Вашу книжку. Я стала читать давно мне знакомое, и Ваша любовь к жизни, Ваша нежность и простота совершили что-то странное в моей душе... Я писала Вам от сердца, заливаясь слезами только что улегшегося страдания, любви и сострадания к Вам. Моих тогдашних переживания я не забуду никогда... Мне как будто бы Кто-то приоткрыл мою завесу мрака и показал Ваш Свет. Была ли то воля Вашей светлой покойной — или папа мой обо мне помолился? — может быть, и то, и другое!!...

Шмелев ответил на первое письмо так, как он отвечал, наверное, многим своим почитателям и читателям, хотя что-то его душу тронуло: Благодарю за привет писателю, — писал он уже 19 июня, — я его сохраню в немалом, слава Господу, пакете писем от читателей-друзей. Ваше письмо — окрик на уныние мое». Потом последовали еще письма с той и другой стороны. Они стали обмениваться мыслями не только по поводу ежедневной жизни каждого из них, но и своими размышлениями о творчестве, окружающей жизни, политике. Обмен мнениями довольно быстро перерос в настоящую дружбу родственных душ. Шмелев в апреле сорокового года пишет: «Будьте счастливы, милый друг, с Вами — т. е. что Вы есть — мне легче как-то стало в жизни. Это со мной впервые со дня кончины моей Оли». А в мае он пишет — «много-много получал я писем от читателей-читательниц, — и много в них бывает и признательности, и заботливости, иногда истеричности ласковой, — но ни одно не вызывало, не рождало таких чувств во мне, как Ваши письма».

Через какое-то время они обменивались фотографиями.

Переписка, о которой идет речь, — это замечательный источник знаний о Шмелеве, о его личности и творчестве, которые мы получаем «из первых рук».

В своих письмах Иван Сергеевич вспоминал, как он писал некоторые произведения. Вот например отрывок из письма от 23 мая 1941 года:

«... О, я знаю, мы могли бы много-много сказать друг другу, и все понять... но надо быть и благоразумным и покоряться требованиям жизни. Как говорил один татарин в Крыму: «тяни твои ножки, пока твое одеяло длинен будет». Кстати, Вы читали мое «Под горами»? — очень давнее... Там много еще юного — меня, хотя я писал эту вещь не юным уже, а молодым, но до десятого года, помнится, до «Человека из ресторана». Там — юная любовь, «татарская». Видите, какой я смелый был? Правда, чтобы писать это, я проглядел десяток томов «Энциклопедии Крыма», изучал Коран и татарский фольклор, — но все же это, пожалуй, не истинная картина, а приличная олеография.

Теперь мне смешно вспомнить, но писалось с горячей искренностью. Я начал, было, недавно, рассказ «дар чудесный» — и бросил: очень больно. Вспомнились дни счастья, молодость наша, наша поездка, в первый раз в жизни в горы, пикник, родники, собачка, моя Оля, мой Олек, амазонкой, впервые севшей в дамское седло, но — как! Были удивлены татары-наездники. Наследственность сказала! Сперва, перед посадкой, татарин говорил ей: «Сыди, как свэчка... лошадь умнэй тэбя!» А потом — «за-чим обманул — не ездил! Сами лучши амазан, много ездил... плут ты, синие глаза...». и не стал писать... больно. А какая тема! Открылось — человек владеет таким волшебным даром — носит в себе чудесный аппарат — воображение... Я и сейчас слышу, как собачка хрусти головкой тараньки, под камнем, на вершине Чатыр-Дага... я слышу аромат шашлыка, вижу бессмертные глаза... доселе мог бы написать все в два-три дня, и вряд ли напишу...».

А вот пример, как в письме уживались философские рассуждения с обыкновенными житейскими мелочами (письмо от 29 марта 1941 года):

«Самое для меня радостное изо всего, что случилось с мая прошлого года, — это то, что Вы совершенно здоровы. Я ждал этого, правда, слушая сердце свое. Конечно Горкин знает, что это. И мы с Вами. А вот те не доросли, — до сего знания. Извольте радоваться вовсю, пить солнце — во-всю. Жить молодо — во-во-всю. Идет весна — с ней и идите, всем существом живите — и не раздумывайте, не пытайтесь управлять хаосом, какой иногда водворяется в Вас. Это — обычное, у всех. Не разрешите умствованием, это приводится в порядок само, когда в организме устанавливается равновесие. Ни минутки не вдумывайтесь в больное в Вас, а здоровейте бездумно, наполняя день веселым трудом. Молитва легкая, краткая, как дыханье. Светлей, светлей принимайте все, что дается. Помните, что Вы молоды и чувствуйте

это счкстье. За советы не серчайте и философом не называйте, — от души пишу Вам...». И тут же вот такой штрих, вот такая черточка: «Дописался! Сейчас поставленная на газ картошка три четверти часа тому (!) —вместо варки испеклась! Хорошо — не сгорела, а то возня с кастрюлей, — вот Вам моя проза...!».

Вот еще один прекрасный сюжет из прошлого, из воспоминаний о супруге, к памяти которой писатель обращается очень часто. В июне 1941 года он пишет: «В Ольгин день буду на могилке. Печальный день, когда-то такой яркий. Наша свадьба была в июле, четырнадцатого старого стиля, в усадьбе. Шли в церковь, к вечеру, в благовесте. Солнце в огне, какой воздух, с покошенных усадеб, с полей, уже начавших жнитво. Деревня глазела на юного студента, на девочку под вуалью... и как же пели привезенные из Москвы певчие! Она пометила венчальную свечу, — ее оказалась чуть короче. Это «чуть» длится уже шестой год. Где все это? Вовне — нигде, а во мне — все, до золотого прудочка в солнце, до ветел — слышу прохладу их, до листочка ивы, упавшего не ее вуаль... до взгляда юных счастливых глаз, одному мне понятного, до бабьего шопотка — «молоденькие-то какие... детенки вовсе...». Давно было, и — будто вчера. А через две недели — свадебная поездка... к Троице и на Валаам. А я был почти что «вольтерьянец»! «Старый Валаам» знаете? Там есть личные странички. Это закончено уже после ее кончины.

Подумайте обо мне двадцать четвертого, в 12 ч. 30. — я услышу, под березкой, у могилки. И я подумаю... обо всем».

Я мог бы привести еще множество потрясающих примеров из этой переписки, непередаваемые по своей глубине и духовному, внутреннему содержанию признания в любви, в которую в скором времени переросла эта дружба.

В сентябре сорок первого года Шмелев пишет: «Во мне бьется сила творящая. Я сегодня думал — тянуло писать вечером «Пути». Ваши «Пути» — Вы влились в них, мы теперь нераздельны в них.

Оля ушла... — она с теми «Путями» слита... — а с новыми — не порывая связи, — Вы, Вы вольтесь в мою Дари... возросшую. Ну, я не знаю... все так трепетно во мне. Я через Вас душу — сердце Родное нахожу, в Вас почувствуют Ее, России». И дальше: «Милая, найденная сердцем, жданная столько...! Это же чудо... ну, найти жемчужину, оброненную в океане!... — а я нашел, мне Она помогла найти, я знаю!». И еще: «Я — как «рыцарь бедный», твоим образом жив, тебя лелею, тобой дышу. «Пути» я буду, начну писать, — для тебя, во имя твое. Клянусь тебе!».

Вот такие письма. Они интересны не только как личная, интимная переписка И. С. Шмелева. В них подробно, подкупающе искренне отражены литературно-философские взгляды писателя, его отношение к творчеству Достоевского, Бунина, Ремизова, к трагической истории России, русской литературы и Церкви.

Не могу не упомянуть и о такой детали, которая, как мне кажется, очень важна для всех, кто занимается Шмелевым и кому дорог его чисто человеческий образ. В архиве, о котором идет речь, сохранился нераспечатанный экземпляр газеты «Русская мысль», который пришел по адресу писателя в день его смерти.

Ольга Александровна скончалась 19 августа 1959 года и была похоронена на кладбище в Гааге. Письма остались у ее брата. После смерти Сергея Александровича Субботина в 1992 году владелицей оказалась его вдова Мария Филипповна, или, как ее все называли, Маша. Всю жизнь она прожила с Сергеем Александровичем как за каменной стеной. Будучи человеком очень эмоциональным и нерешительным, она пыталась сначала избавиться от всего, что ей мешало. Несколько раз она пыталась сжечь различные документы и письма, которые остались после смерти супруга. Я с ней часто и подолгу разговаривал, пытаюсь убедить в необходимости передать переписку Шмелева в Россию. Она упиралась, страстно не хотела, чтобы они просто лежали где-то на полке и пылились. У нее возникала ассоциация с кладбищем и заброшенной могилой, на которую никто не приходит и которая никому не нужна. Между прочим, именно поэтому и останки мужа она завещала перевезти в Москву. В конце концов, она с громадным трудом согласилась передать письма в Россию, но только при обязательном условии издания писем. Дело осложнялось тем, что у Маши был рак, и она угасала очень быстро. Я через атташе по культуре посольства Российской Федерации в Королевстве Нидерландов Е. Ю. Бутова связался с РГАЛИ. Архив откликнулся в апреле 1996 года. Но, к сожалению, ничего конкретного мы предпринять не успели — Маша умерла. Она умерла, но устное завещание, которое было мне дано — если удастся этот архив вернуть России — только с условием опубликования и помощи в строительстве русской церкви в Роттердаме — дело, которому Маша посвятила много сил в последние годы своей жизни, и как памятник той, которая была последней музой, вдохновением, ангелом Шмелева.

Приведением в порядок квартиры после смерти Маши занимался нотариус и дальний родственник — голландец со стороны Ольги Александровны. Они предложили мне (так как я последние годы много

общался и старался по мере сил и возможностей помогать Маше), взять некоторые книги из библиотеки. Большое количество бумаг, газет и прочего было приготовлено ими на выброс. Среди этих вещей стояла и коробка, в которой я знал, хранилась переписка. Я попросил взять эти письма. Голландцы посмотрели, что это бумаги на русском языке, старые. Поинтересовались, что это? Я объяснил, что пожелание Маши было — передать эти документы в архив в Москву. Мне отдали коробку с письмами, и я до сих пор помню, как торопился побыстрее спуститься по лестнице, чтобы, не дай Бог, голландцы не передумали. Так эти письма оказались у меня. Как оказалось позднее, примерно через год, Маша все завещала Русской Церкви. Но до этого момента архив мог уже быть предан огню.

А в прошлом году я передал все эти материалы в РГАЛИ. Условие остается то же. И это мой долг перед памятью людей, которых я близко знал (пусть и недолго) — публикация писем и строительство церкви в Роттердаме.

Я бы хотел закончить выдержкой из письма Ольги Александровны к Шмелеву. Этот отрывочек как нельзя лучше говорит о значении творчества великого писателя для России, для ее будущего, для будущего всех нас — исследователей и просто читателей произведений Ивана Сергеевича Шмелева.

«Подумайте, — Россия пойдет за Вами!

Кто, как не Вы покажет ей — больной, разбитой, заплеванной большевизмом, — покажет ей ее святой путь?! Все они, родные нам братья, увидят в Ваших «Путях Небесных» и для себя свои знамения и вехи. Это Вы, который дает и воскрешает ушедшее, уже четверть века, и в благовесте монастырском, и в звуках песни, и в ярмарочной пестроте и шуме, наш быт чудесный, дивный, наших Угодников, тружеников, девушек чистых, странников, калек убогих, всех наших «чисты сердцем» даете Вы живых, и ярких, зовущих за собой. И видится она — прекрасная, убогая, любимая превыше сил... — в разливах рек весенних, в зное полдня, в кистях рябины ярких, в морозах жгучих крещенских. И слышится родная в шуме метелей, в звоне призывном, в «Христов Воскресе!», в веселых песнях, в любовных соловьиных трелях, в овражных эхах, в... «приглушенном подзвоне» колокольчиков — голубых цветочков. И запах ландыша, и любки, и терпкий аромат цветов Воздвиженских... все это — Она.

Потеряно, утрачено или лишь забыто? Может быть все это еще живет смутно, глубоко в сердце. И Вы — Пророк, Вы дадите канву

для узора, Вы позовете за собой, Вы дадите им не новый, а все тот же, забытый, но чудесный «Путь».».

Похоронены они в одной могиле: Маша, которая сохранила письма для нас и Ольга Александровна Бредиус-Субботина — та, которой на протяжении последних десяти лет своей жизни писал письма русский писатель Иван Сергеевич Шмелев. На могиле стоит мраморный белый православный крест.

Протоиерей Григорий Красноцветов настоятель храма иконы Божией Матери «Скоропослушница»

Роттердам, Нидерланды

Тел. (факс): (010) 477-12-72